

С. Р. Мурашковски

**Мультикультурность
современной
английской
литературы**

До 70-х годов XX века считалось, что термин «английская литература» означает, прежде всего, литературу, создаваемую в ареале Британских островов. Творчество крупных писателей, которые жили вне Англии, либо не изучалось, либо ассимилировалось в пределах английской традиции. Литература Соединенных Штатов Америки стояла особняком, по-

скольку имела свою собственную историю. Однако американская литература исследовалась вне Север-

ной Америки достаточно спорадично, хотя многие американские писатели предпочитали жить в Англии и в Европе.

Со второй половины XX века точка зрения на англоязычную литературу начала постепенно претерпевать изменения. Внима-

ние критиков привлекла австралийская проза и литература стран Карибского бассейна (Вест-Индия), а также творчество писателей стран Африки и Азии, получивших независимость. В ряде университетов (Канады, Австралии, Южной Африки) читались курсы лекций по африканской, ирландской и канадской литературе. Книги, написанные региональными авторами, расширяли представление о культурном диапазоне «младолитератур». Сюжет этих произведений, их тематика и стиль строились на неординарных характеристиках, не всегда доступных пониманию европейского читателя. В этом случае потребителю новейшей литературной продукции приходилось сталкиваться с такими феноменами, как социальные образы англичан в восприятии жителей бывших колоний, американский индивидуализм, нигерийский трайбализм, индийский мистицизм, самоидентификация вест-индцев. Поскольку писатели за пределами Англии стремятся работать в рамках своей национальной литературной традиции, представляется вероятным, что «осознание сущности других английских литератур может стать частью нашей читательской привычки»¹.

Проблемы межкультурной коммуникации, общения между носителями различных культурных стереотипов в современном обществе все чаще заставляют исследователей задумываться над вопросами, связанными с переводом как культурным, лингвистическим и литературным «трансфером», а западных писателей — все чаще рассуждать о том, является ли язык, который они «оказались способны освоить, действительно глобальным языком, основанным лишь на научном и военном превосходстве Запада»². Эти рассуждения с каждым днем становятся все более актуальными, поскольку дают возможность хоть как-то осознать, способен ли этот язык, наряду со всепоглощающим потоком стандартизованных слоганов массовой информации, рекламы и маркетинга, создать общую основу для межнационального общения, которая сделает перевод важнейшим феноменом социального ландшафта.

Глобалистским тенденциям к унификации в последние десятилетия минувшего столетия противостояла наметившаяся в современной культурологии и этнологии позиция культурной относительности, которая отстаивала разнообразие культур и их специфические характеристики, даже несмотря на то, что разговор о культурах в терминах аутентичного, самодостаточного «целого» вести достаточно сложно. Так называемый постколониальный дискурс, сложившийся после распада мировой колониальной системы, заменил понятие культурной относительности идеей культурного различия, олицетворяя, таким образом, претерпевшую превращения парадигму культурных контактов и столкновений, которая серьезно повлияла на культурную политику. Вновь возникающие, во многом спорные, теории о «столкновении цивилизаций» (С. Хантингтон) заявляют о том, что ось грядущих международных конфликтов будет проходить скорее не по национальному, а по культурному «меридиану», разделяющему различные религиозные, политические и экономические системы: «В обозримом будущем пока не предвидится универсальной цивилизации, скорее мы столкнемся с *миром различных цивилизаций*, каждая из которых вынуждена будет учиться сосуществованию с соседями»³.

Подобные постулаты представляют собой серьезный вызов гуманитарным наукам, чьи традиционные категории и концепции «межкультурного опыления», в основном европоцентристские, требуют пересмотра. В связи с этим в спорах по проблемам мировой литературы идея о том, что огромное разнообразие литератур и культур может рассматриваться как основанное на многогранном «архиве» текстов, становится менее популярной. Это многообразие должно пошатнуться в результате серьезного столкновения со взрывным динамизмом самого текста, распространяющего энергию объединения от своей основы в центральных зонах на периферию всемирного культурного пространства.

На повестку дня встает необходимость создания пространства «осцилляции» между культурами вне рамок наций, в котором может быть открыта новая продуктивность атональных созвучий, освоен опыт приграничных зон во всей своей противоречивости. Такая область должна прийти на место синтеза «мультикультурных симфоний»⁴. Исходя из этого, «каждое усилие в расширении горизонтов мировой литературы будет сталкиваться с культурным непониманием, но этот момент также может сыграть стимулирующую роль с точки зрения творчества»⁵.

Возрастающее влияние национальных литератур на английском языке становится отблеском таких культурных и политических явлений, как распад Британской империи, вхождение в мировую культуру новых наций, ослабление связей внутри стран Британского Содружества, возрастающее осознание независимости в бывших колониях, реакция на попытки США играть особую роль в мире. Английская культурная традиция более не является господствующей за пределами Британских островов, и она не в состоянии поддерживать ту или иную элиту, подверженную британскому влиянию. Разрушение устоявшегося представления об английском в национальных литературах отражает нарастающую культурную фрагментацию англоговорящего мира. Английский язык входит в противоречие с образом жизни, поведением и национальными традициями говорящего на нем, и, тем более, пишущего. Писатели, педагоги, ученые не беспрекословно следуют образцам речи, поведения, морали и верований, властвовавшим над умами в прошлом. Утрата единства литературной культуры влечет за собой признание того, что приятие ярко выраженных качеств разнообразных национальных литературных традиций стало актуальной необходимостью.

Важно отметить, что так называемые «английские исследования» («English studies») приобретали актуальность в тот момент, когда греческий и латинский языки уже ут-

ратили свою безусловную роль в образовании и воспитании джентльмена. Гомер, Вергилий, Цицерон в рамках европейской традиции как источники морального и интеллектуального воспитания уступили место в списках для обязательного чтения и изучения Шекспиру, Донну, Поупу, Диккенсу. В процессе этого, конечно, терялось чувство спаянности, свойственное европейскому мировидению, происходило разрушение палимпсеста человеческой памяти, измельчание исторического видения, которое ранее строилось на более обостренном ощущении сиюминутного, близости к духовному миру любимых писателей.

Литература начала XX века может рассматриваться как отголосок классической традиции, которая была сформирована инстинктивным притяжением к культурному наследию прошлого. Транснациональное мышление Т. С. Элиота, Э. Паунда и Д. Джойса стало «частью современного космополитического стиля, но писателям удавалось придерживаться четкого, вневременного, перманентного взгляда на человеческую природу, в которой прошлое всегда служит камертоном для существования в настоящем»⁶.

Воплощение идеалов в английских поэтических и прозаических произведениях нередко сводилось к темам сельского уединения, семейных ценностей, патриархальных традиций, связанных с фамильной усадьбой, и как контраст — порочность городской среды. Очень часто, как например в «Мэнсфилд-парке» Д. Остин или «Хауэрдс-Энде» Э. М. Форстера, интрига произведения связывалась с тем, кто унаследует имение, и это в той или иной степени приводило, в конце концов, к вопросу о наследовании лучшей культурной традиции.

Подобно тому, как моральные устремления и мотивы английской литературы отражают закономерности развития британской культуры в целом, так и особенности повествования становятся прямым следствием изменений, происходящих на уровне языка. Английский язык может создавать в своей

словесной ткани, в динамике и образности чувство подлинного переживания, присутствия реальной жизни. Скорее именно использование богатств английского языка, нежели критика и формальные литературные условности, становятся фундаментом развития английской прозы и критики. «Английский язык проявляет свою способность к бесконечным метаморфозам, вариациям динамики и текстуры в пределах абзаца, предложения, фразы. Звук очень часто имитирует значение. Мы могли бы по контрасту сравнить этот феномен, например, с французским языком, в котором воспроизведение местных национальных явлений симитировать труднее»⁷.

Только после четкого определения английской литературной традиции стало возможным сопоставлять ее с традициями других стран, «самоидентифицироваться в рамках сравнительно недавно образовавшихся наций»⁸.

Писатель, представляющий малую народность, сталкивается со сложной задачей, когда начинает писать на языке-посреднике. Как средствами «чужого» для него языка передать специфику своей собственной национальной и культурной идентичности? Как примирить «иное», «чужое» — язык колонизатора — и культурный дух, который присутствует в качестве этнокультурной протоплазмы в крови, в генах художника, транслирующего духовный опыт предков новому поколению читателей, которые станут обладателями этого опыта? «Писатель при этом должен изображать различные оттенки и упущения определенного хода мыслей, который в чужом языке передается не совсем адекватно, — констатирует индийский писатель Р. Рао. — Я использую слово «чужой», хотя в действительности английский не является для нас чужим языком. Это язык нашего интеллектуального грима. Мы все инстинктивно билингвистичны, многие из нас пишут на нем, как на родном языке. Мы не можем писать как коренные англичане, и не должны. Мы не можем также писать только всего лишь как индийцы»⁹.

Самонаблюдения Р. Рао передают специфику словесного творчества мультикультурного писателя, который, как двуликий Янус, всегда смотрит в разные стороны. Он — современный этнограф своей собственной культуры и одновременно — ее интерпретатор. Если при этом писатель прибегает еще к внетекстовым включениям: сноскам, глоссарию, предисловию с объяснениями, — то эти элементы становятся способом прочтения прозаического текста, к которому должен прибегать некий «чужой творец», чье сознание всегда сосуществует с мировидением мультикультурного писателя. «Современная литература на английском языке» и подразумевает столкновение исследователя именно с таким «шифром». В академических кругах за рубежом широкое распространение получил термин «новая английская литература», определение которой предполагает, по крайней мере, несколько составляющих:

а) литература писателей, граждан Великобритании, которые небританцы по происхождению; они въехали в Британию на заре своей юности и, получив отличное образование в английских университетах, стали прекрасно говорить и писать по-английски;

б) потомки (в основном, в первом поколении) иммигрантов иноземного происхождения, которые сохраняют в себе иноземные культурные и психологические архетипы, но в совершенстве владеют как языком, так и традиционным британским культурным и литературным багажом;

в) широкий круг писателей в бывших колониальных странах, которые создают литературу на английском как на втором государственном языке и ощущают при этом свою принадлежность к англоязычной культуре;

г) писатели — ярко выраженные билингвисты, которые двуязычны, в первую очередь, не только в обыденном общении, но и в части своих литературных творческих изысканий.

Вест-индский писатель Джордж Ламминг в своих воспоминаниях о жизни на Барбадо-

се в 1950 году сделал следующее замечание: «Сегодня меня передегеривает от мысли, когда я думаю, каким образом Британия могла добиться такого чуда, что ее называли Матерью. Она подчинила нас, учеников, своему языку и своим институтам, крестила нас в свою религию; обучила мальчиков той же самой игре в крикет с его изысканным и педантичным этикетом соперничества. «Империя» была не самым ругательным словом, и казалось, что она имеет мало отношения к тем формам господства, которые сегодня мы называем империалистическими»¹⁰.

Новая английская литература, однако, не просто «империя», которая «пишет ответ»¹¹. Писатели, творчество которых можно по тем или иным параметрам включить в эту категорию, — восточноевропейские и азиатские авторы, чьи корни — вне англоговорящего мира. Поскольку английский язык стал международным языком, литература на английском пишется русскими, тайцами, японцами. В современных академических дискуссиях о постколониализме и мультикультурализме редко прибегают к последним примерам. Но этот вопрос нельзя упускать, когда рассматривается творчество такого писателя, как, например, современный сомалийский прозаик Нуруддин Фарах¹², для которого английский — язык его прозы — является иностранным. Таким образом, процесс интернационализации английской литературы проходит параллельно с развитием «младолитератур» и должен рассматриваться в контексте переплетения с литературой стран Содружества, постколониальной и мультикультурной литературой.

Многие исследователи (С. Гринблатт, Г. Тиханов) отмечают главную тенденцию в развитии современной истории литературы, и, в первую очередь, английской: ее стремление «адаптироваться к этим новым условиям со всей гибкостью и податливостью, на которые она только способна. Живой пример тому — новая «Оксфордская история английской литературы» в тринад-

цати томах. Последние два тома, посвященные послевоенному периоду, по замыслу составителей, должны выразить разные точки зрения, уточняя друг друга в интерпретации понятия «английскости»: над томом «1960–2000: закат Англии» (1960–2000: *The Last of En-land*) работает Рэндалл Стивенсон, стяжавший репутацию «шотландца, провозгласившего, что идея английской литературы» отжила свое¹³, а над томом (1948–2000: *The Internationalisation of English Literature*) — канадец Брюс Кинг, воспевающий мультикультурализм — но не как смерть «идеи английской литературы, а как ее возрождение. <...> Таким образом, новая оксфордская история английской литературы пытается перевести изрядно истощенное национальное повествование в тональность глобализма с его культурным многообразием»¹⁴.

В работе будет идти речь об английской составляющей новой литературы, то есть о том пласте, который появился в процессе мультикультурного смешения, имевшего место в последние десятилетия XX века, и привел к своего рода «реактивной колонизации» Великобритании, в результате чего на туманном Альбионе осели и ассимилировались тысячи потомков бывших колонизированных народов. Эти «новые англичане», усваивая традиционную культуру, вольно или невольно приносят с собой культурные архетипы своих народов, что проявляется на разном уровне и в различной степени в гибридизированности их литературных произведений, которые очень трудно иногда назвать традиционным текстом британского писателя.

¹ Literatures of the World in English / Ed. B. King. L.; Boston, 1974. P. 1.

² Ghosh A. In an Antique Land. N. Y., 1993. P. 237.

³ Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs (Summer 1993). P. 49.

⁴ Said E. W. Figures, Configurations, Transfigurations // J. N. Cox, L. D. Reynolds (eds.).

New Historical Studies. Princeton, 1993. P. 328.

⁵ Bachmann-Medick D. Kulturelle Texte und interkulturelle (Miss-) Verstehen // Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik. Munich, 1987. S. 653–664.

⁶ Literatures of the World in English / Ed. B. King. P. 2.

⁷ Ibid. P. 3.

⁸ См.: Chase R. The American novel and its tradition. Garden City; N.Y., 1957; Bradbury M. Dangerous Pilgrimages. Trans-Atlantic Mythologies and the Novel. L., 1995.

⁹ Rao R. Kanthapura. N. Y., 1938. P. VII.

¹⁰ Lamming G. Introduction (1983) to «In the Castle of my Skin». L., 1979. P. 38.

¹¹ См.: Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back. L.; N. Y., 1989.

¹² См.: Farah N. Homing in on the Pigeon // Brick. 1994, Spring. № 48 P. 4–9.

¹³ Jonathan B. A monumental Task. Why the new Oxford English History will differ from its predecessor? // Times Literary Supplement. 2002. 4 October. P. 17.

¹⁴ Тиханов Г. Будущее истории литературы: три вызова XXI века // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 343.